ПАВЕЛ ЭМПТИН

НАД ПРОПАСТЬЮ БОМЖИ

Павел Эмптин
Над пропастью бомжи

https://litres.ru/74697732
SelfPub; 2026

Аннотация

Пятничный вечер в старой квартире на окраине. Бутылка на столе, запотевшие рюмки, огурцы, банка шпрот и два товарища, у которых за плечами — целая жизнь со всеми её тупиками, срывами и невыученными уроками. Это разговор двух людей, которым больше не нужно притворяться сильными.

Тринадцать историй о самом хрупком — о словах, которые мы забываем, о страхах, которые носим под одеялом, о прошлом, ставшем единственным приютом, и о лестнице, по которой мы карабкаемся вверх, даже когда кажется, что сил больше нет.

Это книга-диалог о тех, кто застрял между «вчера» и «завтра», но всё ещё пытается услышать в темноте родной голос. Налейте чаю. Или чего покрепче. Будет о чём помолчать.

Павел Эмптин
Над пропастью бомжи

ПАВЕЛ ЭМПТИН
НАД ПРОПАСТЬЮ БОМЖИ
Роман в рассказах
2026

АННОТАЦИЯ

Пятничный вечер в старой квартире на окраине. Бутылка на столе, запотевшие рюмки, огурцы, банка шпрот и два товарища, у которых за плечами — целая жизнь со всеми её тупиками, срывами и невыученными уроками. Это разговор двух людей, которым больше не нужно притворяться сильными.

Тринадцать вечеров, тринадцать историй о самом хрупком — о словах, которые мы забываем, о страхах, которые носим под одеялом, о прошлом, ставшем единственным приютом, и о лестнице, по которой мы карабкаемся вверх, даже когда кажется, что сил больше нет.

Это книга-диалог о тех, кто застрял между «вчера» и «завтра», но всё ещё пытается услышать в темноте родной голос. Налейте чаю. Или чего покрепче. Будет о чём помолчать.

Пятница. Вступление

Звонок раздался, когда Андрей дорезал колбасу. Он вытер руки о штаны и пошёл открывать, а когда вернулся на кухню, Сергей уже сидел у окна, на табуретке, которая в этой квартире давно считалась его.

— Опять с пустыми руками, — сказал Андрей.

— У тебя же всё есть.

Спорить было не с чем. В пятницу вечером у Андрея и правда было всё: бутылка в морозилке, полбуханки хлеба, два огурца, банка шпрот, начатая пачка сигарет и ощущение, что неделя прошла мимо, как маршрутка, которая не остановилась.

Он достал бутылку, запотевшую от собственной значительности, и две рюмки. Налил обе. Свою выпил сразу, вторую подвинул Сергею. Тот взял её двумя пальцами, повертел, выпил в два глотка и, не поморщившись, потянулся за хлебом. Андрей закусил огурцом и закурил. Дым пополз к лампе, как всякая мысль в пятницу вечером: медленно, без цели и с претензией на глубину.

— Ну, рассказывай, — сказал Сергей.

— Нет, ты первый.

— У меня нет историй.

— У всех есть истории. Ладно, слушай. Только не перебивай, а то я собьюсь. Я вообще всё время сбиваюсь, это у меня семейное.

Рассказ первый. Вилок

— Вилок капусты слышал когда-нибудь? Только честно.

— Слышал.

— Ну вот. Все слышали. А я нет. До двадцати семи лет, Серёга. Двадцати семи! К тому времени у меня был диплом, ипотека на двадцать лет, которую я называл «квартирой», жена и кредитка, на которую я смотрел с нежностью. Я был взрослый человек. Я знал слова. Я, чёрт возьми, знал слово «амортизация»! А слово «вилок» — нет.

Он замолчал, повертел пустую рюмку в пальцах и добавил:

— Ты пойми, я не дурак. Я книжки читал, толстые, с мелким шрифтом. Я думал, что мир — это такая комната. Не идеальная, с кривыми обоями, но моя. Я в ней давно живу, знаю, где батарея, где выключатель, где скрипит паркет. И капуста в этой комнате росла кочанами. Это было так же естественно, как то, что вода мокрая. Бабушка говорила «кочан». Мама говорила «кочан». В школьной столовой в меню писали «щи из свежей капусты», но в голове у меня всё равно стоял кочан: большой, тугой, с этой своей кочерыжкой. Кочан, кочерыжка, капуста. Всё одной семьёй. Логично же? Я был уверен, что в моём словаре нет белых пятен.

— И что случилось?

— Суббота случилась.

Андрей затянулся и выпустил дым в сторону форточки,

которая всё равно была закрыта.

— Шесть вечера, я иду с работы. Лена звонит: «Андрюш, зайди в магазин, купи вилок капусты, на щи». Так буднично, между делом, как «купи хлеба». А я говорю: «Ага». И кладу трубку. И только на крыльце понимаю, что сказал «ага» на слово, которого не знаю. Знаешь, как это? Как будто подписал договор, не читая, а там мелким шрифтом твоё имя.

Он усмехнулся, но усмешка вышла кривой.

— Вилок, думаю. Вил-ок. Может, это что-то вроде вилки? Приспособление, чтобы капусту… Нет, но она же сказала «вилок». Мужской род, почти человек. Звучит как фамилия бухгалтера. Иван Петрович Вилок.

— Бухгалтер Вилок, — повторил Сергей.

— Вот. Захожу в магазин. Овощной отдел. Стою перед ящиком. Капуста. Лежит, круглая, белая, наглая, смотрит на меня как на идиота. На ящике ценник: «Капуста белокочанная». Ну, думаю, вот она, родимая. Беру кочан и иду. И тут рядом бабка, в таком пальто, в каком и хоронят, и крестят, оборачивается к продавщице и говорит: «Девушка, дайте вот этот вилок, поплотнее». Спокойно. Без паузы. Как «здравствуйте». И продавщица кивает, берёт капусту и говорит: «Этот? Хороший, плотный вилок». А мужик сзади, с корзиной и пивом, вообще не поднимая головы, добавляет: «Вилок, ага. На засолку».

Андрей посмотрел на Сергея так, словно тот тоже был в той очереди.

— У меня внутри что-то хрустнуло. Как лёд на луже, когда ты уже зашёл на середину. Весь магазин знал это слово. Все! Бабка, продавщица, мужик с пивом, наверное, и охранник знал. Они стояли и пользовались им, как ложкой, а я посреди них, как человек, которому сказали, что земля квадратная, а остальные давно в курсе и просто не хотели расстраивать.

Он налил, но пить не стал, а просто держал рюмку, как держат чужую руку.

— И знаешь, что самое страшное? Не то, что я не знал. А то, что оно там было. Всегда. Пока я рос, пока женился, пока брал ипотеку, пока сдавал сессии, это слово жило своей жизнью. Люди говорили его друг другу на кухнях. Кричали на рынках. Писали на ящиках. А я ходил мимо, как мимо двери в стене, которую не замечаешь, потому что на ней нарисованы обои. Понимаешь? Не шкаф, не ниша. Дверь. С ручкой. И все в доме давно знают про эту дверь и ходят в неё, и ты слышишь, как за ней кто-то гремит посудой. А ты двадцать семь лет клеил на неё обои.

— Жёстко.

— Я не помню, как вышел. Помню, что на кассе положил просто капусту, без единого слова, как преступник: сунул, расплатился, глаза в пол. Продавщица, кстати, ничего не сказала. Хотя имела право.

Он наконец выпил.

— Дома я шваркнул её на стол и говорю: «Лена. Это вилок?» Она не оборачивается от плиты: «Ну да». «Почему я

его не знал?» — «В смысле?» — «Почему мне никто никогда не сказал слово „вилок“?!» Я орал, Серёга. Я стоял посреди кухни и орал на жену про капусту. А она смотрела на меня с половником в руке, как с оружием, потому что не понимала: то ли я пьяный, то ли у меня кто-то умер. «Андрей, — говорит, — ты нормальный?» А я ей: «Не знаю! В этом-то и вопрос!»

Он помолчал. На кухне капнул кран, и оба на секунду прислушались, как будто это могло что-то объяснить.

— Ночью я не спал. Лежу рядом с Леной, она дышит, а я шепчу в потолок: вилок. Вилок. Вилок. И слово начинает расползаться. Знаешь, как бывает, если слишком долго смотреть на тарелку? Она перестаёт быть тарелкой, потом кругом, потом пятном, потом вообще ничем. Так и тут: «в», «и», «л», «о», «к». Набор звуков. Кто их выбрал? Почему именно эти? И если вот эти звуки значат капусту, то, может, и «капуста» — тоже какая-то договорённость, на которую меня не позвали?

— Тебя не позвали.

— Вот именно! Час ночи, я лежу и чувствую себя человеком, которого забыли внести в список гостей на собственную жизнь. И я звоню маме.

Андрей затянулся и закашлялся.

— «Андрюш, что случилось?» — голос такой, будто я сообщил, что сгорела дача. «Мам, ты слово „вилок“ знала?» Тишина. Долгая такая, с дыханием. Потом: «Ты пил?» —

«Нет!» — «Андрюша, час ночи». — «Мам, ответь: знала или нет? Почему мне никто не сказал?» И она так спокойно, так по-доброму: «Да знала, сынок. Просто к слову не приходилось. Ты ж всегда говорил „кочан“».

Он повторил почти беззвучно:

— Не приходилось. Двадцать семь лет не приходилось. У меня мир рухнул, а у неё «просто». Я положил трубку и сидел в темноте, и мне казалось, что я стою в огромном доме, где в каждой комнате кто-то громко разговаривает, а я только сейчас снял наушники.

— Красиво.

— Это не красиво. Это страшно. Красиво будет потом.

Он налил обе рюмки до краёв. Они чокнулись, не глядя друг на друга, и выпили. Андрей поморщился. Прикурил новую сигарету от ещё не потухшей. За окном проехала машина, на потолок легла полоса света и поползла к стене, будто кто-то проверял комнату фонариком.

— Утром я полез в интернет. Набрал «вилок капусты». Три миллиона результатов! Это как зайти в тёмную комнату и обнаружить, что там уже три миллиона человек, и все молчат, чтобы тебя не пугать. Я начал читать рецепты. «Возьмите один небольшой вилок». Небольшой, Серёга! Они уже размеры друг с другом обсуждают! Я прочёл тридцать рецептов, и в каждом сидел этот проклятый вилок, как предатель в семье, которого все давно простили.

— А кочан там был?

— Кочан был. Но как-то сбоку. Как дальний родственник, которого зовут на свадьбу из вежливости.

Он усмехнулся, но сразу потух.

— Всю следующую неделю я жил как сапёр. Каждое слово теперь могло рвануть. На работе Вася просит: «Андрюх, дай стремянку». Я смотрю на стремянку и думаю: а точно ли это стремянка? А вдруг у неё есть второе имя, которого я не знаю, и все давно им пользуются? Спросил Васю: «Вась, а ты вилок знал?» — «Ну, знал». — «А почему мне не сказал?» — «А что было говорить?» Вот так. «А что было говорить». Целый мир не считает нужным сообщать тебе, что ты чего-то не знаешь. Понимаешь, какая вокруг тишина?

Он потёр лицо ладонью.

— Я перестал нормально есть и спать. Слушал людей в маршрутке, как иностранцев, ловил каждое слово: «электричка», «подъезд», «ладно», — и не верил ни одному. Лена смотрела на меня с нежностью санитара. На холодильнике появился магнитик. Яркий такой, весёлый, с цветочками, а на обороте номер районной психиатрической больницы. Не знаю, откуда она его взяла, может, в поликлинике дали. Я смотрел на него по утрам, пока варил кофе, и чувствовал запах хлорки.

— В смысле, запах?

— В прямом. Больничный, сладковатый. Как будто он уже шёл ко мне по коридору.

Андрей затушил сигарету, но не сразу, а словно вкручивал

её в стол.

— В ночь на воскресенье я сидел вот здесь, на этом самом месте, курил в форточку. Лена спала. Часа четыре утра, самое поганое время, когда мысли ходят без штанов. И вдруг щёлкнуло. Не озарение, нет, озарения — это для кино. Тихое такое «тик». Как будто в голове кто-то повернул ручку. Я подумал: слушай, а ты ведь сейчас узнал новое слово. В двадцать семь лет. Слово было всегда, а ты не знал, и вот — узнал. Ты жив. Голова работает. Дыра в мироздании тебя не засосала. Значит, можно.

— Что можно?

— Узнавать. Новое. Всегда. Хоть в двадцать семь, хоть в сорок, хоть в шестьдесят. Оно было, есть и будет. Ты просто не знал. Не потому что тебя обманули, а потому что мир больше, чем твоя комната. И у тебя ровно два пути. Либо ты сидишь и сгораешь от обиды, что тебе двадцать семь лет не говорили про вилок, и едешь туда, где пахнет хлоркой и таблетки дают по расписанию. Либо признаёшь: да, не знал, теперь знаю. И идёшь дальше, потому что дальше, оказывается, ещё много чего.

Он улыбнулся уже по-настоящему.

— После этого в голове что-то размякло, как пластилин, который долго держали в тёплых руках. Раньше я слышал новое слово и ёжился. А теперь слышу и пробую на вкус. За год выучил, наверное, больше слов, чем за предыдущие десять. «Вилок» открыл дверь, а за ней оказалась целая квар-

тира.

— И что ты сделал?

— Что-что. Сварил щи. Из этого вилка. Лена попробовала и сказала: «Вкусно». А я чуть не заплакал. Не из-за щей, конечно.

Он замолчал, и в тишине стало слышно холодильник.

— А потом Лена ушла.

— Из-за капусты?

— Нет. Хотя капуста сыграла роль. Сказала, что устала жить с человеком, который в любой момент может провалиться в пол, услышав новое слово. Я не обиделся. Серьёзно. Я только подумал: ну да. Кто выдержит мужика, который посреди ночи шепчет потолку про капусту.

— Мда.

— Вот и я говорю. Не знать — не приговор. Мир не обязан рассказывать тебе всё сразу, а ты не обязан сходить с ума, когда выясняешь, что он больше, чем ты думал. Учиться можно в любом возрасте. Даже тому, что было всегда, а ты просто не знал. Вопрос только в том, куда тебя это приведёт: на щи или к магнитику.

Они выпили, и Андрей закусил шпротиной на куске хлеба. Пачку он подвинул через стол, Сергей вытянул сигарету, прикурил от его зажигалки и затянулся, прищурившись.

— Опять взялся?

— Раз в пятницу можно, — сказал Сергей, выпуская дым к лампе.

— Вот и я так думаю.

За окном кто-то хлопнул дверью машины.

— Твоя очередь.

— У меня нет историй.

— У всех есть, — сказал Андрей. — Давай.

Рассказ второй. Очковые кобры

Андрей встал, достал из холодильника банку солёных огурцов и долго воевал с крышкой, ругаясь на неё с нежностью, как на старого родственника. Сергей смотрел в окно на двор, где под фонарём курили двое в капюшонах. Они стояли так, будто охраняли что-то важное, хотя охранять там было нечего, кроме собственной пятницы.

— Мне на прошлой неделе приснился кошмар, — сказал Сергей.

— Опять про зубы?

— Нет. Про зубы я уже не боюсь. Я вообще кошмаров не боюсь. С возрастом они как соседи сверху: шумят, топают, роняют что-то тяжёлое, но ты уже знаешь, что они за потолком и до тебя не дойдут. Когда ты уже пожил, во сне пугает только одно: что это не сон.

Андрей хмыкнул и разлил по рюмкам.

— Рассказывай.

— Значит, так. Особняк. Огромный, в таком можно потеряться и не найтись до понедельника. Что-то вроде девятнадцатого века, но с розетками, потому что сон, ему всё равно.

Принадлежит род Вересковых. Графы, заводчики, люди, которые на любой вопрос отвечали «Что вы себе позволяете?», даже если вопрос был «Который час?».

— Приятные люди.

— Обаятельнейшие. У графа Аполлинария Львовича было три завода, красильный и два химических, и дымили они так, что в городе зимой не выпадал снег, а выпадал серый пух. А ещё у него была оранжерея, а в оранжерее зверинец: попугаи, вараны, печальная обезьяна и четыре очковые кобры в стеклянных террариумах. Он кормил их сам. Белыми мышами, в перчатках, с лицом человека, который причащает.

— Почему очковые?

— У них на капюшоне рисунок, как очки. Смотрят на тебя и будто всё про тебя понимают. Я потом долго думал, что это были самые умные существа во всём сне.

— Умнее графа?

— Это не высокая планка.

Сергей отвернулся от окна.

— И вот начинается. Первая ночь. Утром горничная находит в спальне тётку графа. Дверь заперта изнутри, окно закрыто, ковёр не тронут. А от тётки… — он на секунду замялся, — осталось меньше, чем было. Укусы, разрывы, как будто кто-то очень мелкий и очень многочисленный провёл с ней ночь. Следов нет. Ни шерсти, ни лап, ни грязи. Граф сказал: «Какое безобразие» — и велел подавать завтрак.

— Классика.

— Вторая ночь — повар. Третья — кучер. Четвёртая — старший сын, который, как выяснилось, был не очень хорошим человеком, но с ним никто не успел это обсудить. К пятой ночи вся прислуга спала в одной комнате с зажжёнными свечами и топорами. А аристократы спали по одному, как положено. Отдельная спальня — это статус, а выжить — уже дело второстепенное.

Андрей смеялся в кулак, но смех у него был такой, каким смеются над тем, что слишком хорошо знают.

— Приезжает полиция. Инспектор. Человек с лицом уставшего бухгалтера, у которого дома не всё слава богу.

— Как его звали?

Сергей помолчал.

— Пусть будет Вилок.

Андрей поперхнулся огурцом, закашлялся, замахал рукой.

— Ты специально!

— Нет. Просто к слову пришлось.

— Ну, спасибо, — выдохнул Андрей, вытирая глаза. — Дальше.

— Вилок первым делом идёт в оранжерею. Кобры, думает он. Очевидно же: экзотика, яд, ночь. Считает. Четыре. Все на месте, сытые, спят на тёплых камнях, и на лице у каждой выражение презрительного удовлетворения, как у людей, которые вовремя ушли с вечеринки. Приходит ветеринар, раз-

водит руками: «Кобры так не работают. Кобры кусают аккуратно. Они интеллигентные». И пока Вилок на них смотрел, одна подняла голову и посмотрела на него. Через эти свои очки. И ему показалось, что она всё знает, но не скажет, потому что в этом доме её мнением никто не интересовался.

— Логично.

— Потом он подозревал собак, медведя, которого держал сосед, и даже обезьяну, потому что у неё было слишком печальное лицо для невиновной. Но обезьяна сидела в клетке и плакала, а к утру в особняке находили очередного покойника.

Сергей допил, поставил рюмку на стол и потянулся за хлебом, пока Андрей наливал по новой.

— На четвёртую ночь Вилок не спал. Сидел в гостиной и слушал. И услышал. Тихо-тихо, снизу. Как будто кто-то мелко-мелко перебирает пальцами по железу. Он взял лампу и пошёл в подвал.

— Погоди, — сказал Андрей. — Дай налить и закурить. Я такое без сигареты не слушаю.

Он налил обоим, они выпили, закусили. Дым от сигареты лёг на стекло и пополз вниз медленными пальцами. Сергей ждал, не торопя, и крутил в пальцах пустую рюмку.

— Подвал, — продолжил он. — Старый, такой, что даже эхо боялось возвращаться. В дальней стене ржавая решётка. Вилок отодвинул её и посветил. За ней начинался коллектор — каменный тоннель, ещё при деде графа проложенный,

чтобы всё дурное уходило из особняка в реку.

— И?

— Крысы. Тысячи. Они текли по тоннелю, как чёрная вода. Но дело не в крысах. Крыс он видел. Дело в том, что из них росло.

Андрей перестал жевать.

— Из спин, из глаз, из пастей. Тонкие такие щупальца, бледные, как макароны, которые забыли в кастрюле на неделю. Они шевелились сами по себе, как будто у каждой крысы был кто-то ещё внутри. И тогда крыса переставала быть просто крысой. Она становилась голодной. Не хотела есть, нет. Голодной вообще, до дрожи, до безумия. И шла наверх, через решётку, через щели в полах, по трубам. Туда, где тепло и много мяса, которое ещё и не бегает.

— Хороший сон.

— Я предупреждал.

— А откуда эта дрянь вообще взялась?

— Вот это самое интересное. Вилок пошёл по коллектору против течения, до самого выхода к реке. Река была цветная. Зелёная, оранжевая, с радужной плёнкой, как бензин в луже. Заводы графа лили в неё всё: кислоту, краску, ещё что-то, чему названия не придумали. Ниже по течению рыба давно не водилась, зато водилось всё остальное. А коллектор, в котором вода стояла, был для них просто курортом. Там, в тёплой отраве, что-то завелось. Что-то, для чего такая вода — родной дом.

— И граф не знал?

— Граф знал, что река ничья. Она течёт и уносит. «Туда всё девается», — говорил он. Он считал, что река — это большая корзина для мусора с бесплатной доставкой в никуда.

— А доставка оказалась в обе стороны.

— Вот именно. То, что он выбросил, вернулось. Не штрафом, не лекцией от экологов, а вот этим. Крысы пришли в дом, из которого вытекала эта дрянь. Вилок потом всё рассказал графу, в гостиной, при свечах, и граф долго молчал. А потом спросил: «Но ведь этого нельзя доказать?» А Вилок ему: «Ваше сиятельство, вы сейчас спрашиваете, нельзя ли вас помиловать?»

Андрей фыркнул и тут же стал серьёзным.

— Знаешь, что смешно? В том обществе принято было стреляться за оскорбление. Сатисфакция. Честь, секунданты, рассвет, пистолеты. А тут получилось, что оскорблена была река. И она вызвала их на дуэль. А секундантами выступили крысы.

— Красиво.

— Это не красиво. Это справедливо. Красиво будет потом.

Андрей кивнул.

— А кобры? — спросил он. — Название-то откуда?

— Кобры с самого начала всё знали. Сидели за стеклом и смотрели на этот дом своими очками. Единственные, кто всё

понимал и не пытался никому ничего объяснить. Умный вообще редко объясняет. Он просто ждёт, когда всё произойдёт само.

— И чем кончилось?

— Последний кадр. Рассвет. Граф у окна, в халате, смотрит на реку. Она всё такая же: радужная, жирная, переливается на солнце. Он говорит: «Красивая». И я проснулся.

Сергей замолчал.

— Пошёл на кухню, налил воды из-под крана. Стоял и смотрел на стакан минуты две. Потом всё-таки выпил. Но с уважением.

Андрей расхохотался, но смех быстро выдохся.

— Ну и что? Не лей в реку?

— Нет. Что выбрасываешь, не исчезает. Оно просто уходит вниз и ждёт. Всё, что не договорил, не переварил, не простил, никуда не девается. Копится где-то под домом. И однажды ночью начинает скрести. Это не про заводы, Андрей. Это про людей.

Андрей долго смотрел на кран у раковины. Потом встал, подошёл, постоял, не включая воду, и вернулся.

— Ну их, — сказал он. — Давай ещё по одной.

Он налил обоим, они выпили, и Андрей подвинул Сергею тарелку с огурцами.

— Моя очередь, — сказал он. — Только дай подумать.

Сергей кивнул и снова повернулся к окну, где под фонарём двое в капюшонах уже разошлись, оставив после себя

два красных огонька, которые ещё немного тлели и гасли.

Рассказ третий. Вспышка

Андрей открыл форточку, и в кухню вполз октябрьский вечер: сырой, пахнущий мокрым асфальтом и чужим шашлыком с чьего-то балкона. Он постоял, прикурил, постоял ещё.

— Ну? — Сергей не разливал. Просто смотрел. — Ты полчаса думаешь.

— Выбираю.

— Из чего?

— Из историй, которые не стыдно рассказывать. Выбрал. Только сразу предупреждаю: это не из жизни. Это я придумал. От первого до последнего слова.

— Все так говорят, — сказал Сергей и всё-таки подвинул ему рюмку. — Рассказывай.

Андрей закрыл форточку, сел, выпил и начал.

— Представь мужика. Имя неважно, пусть будет Дима. Тридцать четыре года, менеджер в конторе, которая что-то кому-то поставляет, и никто уже не помнит что. Жена Катя, сын Ванька, шесть лет, ипотечная двушка на пятом этаже и ощущение, что жизнь в целом удалась, хотя вслух об этом лучше не говорить, чтобы не спугнуть.

— Спугнёшь, — согласился Сергей.

— Вторник. Октябрь. Он идёт с работы. Уставший, но по-хорошему, как устают люди, у которых есть куда возвращать-

ся. В наушниках что-то старое. В пакете яблоки, зефир для Ваньки и хлеб, потому что Катя написала: «Купи хлеба, но не бородинский, а нормальный». Он идёт мимо ларька, мимо аптеки, мимо дерева, на которое кто-то зачем-то повесил красную ленту, и думает ни о чём. Знаешь, когда человек счастлив, мысли у него самые простые. Сейчас ужин, потом мультики, потом Катя поворчит, что он опять уснул на диване в ботинках. Всё. Больше ему ничего не нужно.

Андрей замолчал и посмотрел на сигарету, которая догорала сама по себе.

— Заходит он во двор. Видит свои окна, пятый этаж. Свет горит. Жёлтый, домашний. И в эту секунду…

ВСПЫШКА.

Он выдержал паузу, достаточную, чтобы за стеной кто-то успел спустить воду.

— Не молния, не взрыв. Просто на секунду всё белое. Как будто мир сфотографировали лампой в упор и забыли вернуть цвета. Ни звука. Ни мысли. Ни его самого. Секунда. Меньше.

Он затянулся.

— А потом цвета вернулись.

— И?

— Он стоит на том же месте. Двор тот же, лавка та же. Только дерево с красной лентой почему-то выше, а лента выцвела до розового. Он этого не заметил. Он смотрел на пятый этаж. Свет горел, но другой: холодный, белый, как в ап-

теке. «Катя лампочки поменяла», — подумал он и пошёл.

Сергей молча подлил ему и себе.

— В подъезде пахло по-другому. Краской, чужой едой, кошачьим кормом. Почтовые ящики новые, синие. Он поднялся, достал ключ, вставил в замок. Ключ вошёл как в масло и не повернулся. Он повернул сильнее. Не повернулся. Он решил, что замёрз замок, хотя на улице было плюс восемь, и позвонил.

Открыла женщина. Лет сорока, в халате, с полотенцем на голове, и лицо у неё было как у человека, которого оторвали от важного дела, например, от дыхания.

— Здравствуйте.

— Здравствуйте, — сказал Дима. — А Катя дома?

— Какая Катя?

Он улыбнулся. Он решил, что это шутка. Именно так люди и улыбаются за секунду до того, как мир опрокидывается.

— Моя жена. Я здесь живу.

— Мы здесь живём, — сказала женщина и сделала то, что делают все женщины в такой ситуации: незаметно отступила и крикнула в глубину квартиры: — Олег!

Пришёл Олег. Мужик лет сорока пяти, в тапках с динозаврами, и у этих динозавров было больше достоинства, чем у всей ситуации. Он посмотрел на Диму тем взглядом, которым смотрят на человека, перепутавшего подъезд, но слишком уверенного, чтобы в этом признаться.

— Вам помочь?

— Это моя квартира, — сказал Дима. Тихо. Он вообще всё говорил тихо, потому что внутри у него уже начинало гудеть что-то вроде трансформатора. — Сорок седьмая. Я здесь живу с женой и сыном. Ванька. Шесть лет. Он сейчас, наверное, мультики смотрит.

Олег и женщина переглянулись. Так переглядываются люди, решающие, звонить ли в полицию или сразу в скорую.

— Послушайте, — сказал Олег медленно, громко и без резких движений, как говорят с незнакомой собакой. — Мы купили эту квартиру два года назад. У Екатерины Викторовны. Ровно в этом месяце. Вот, пожалуйста, — и показал на телефоне фотографию договора. — Хотите, принесу оригинал.

— Какие два года?

— Обычные, — сказал Олег. — Двадцать четыре месяца.

Дима стоял на пороге и смотрел мимо них, в коридор. Коридор был его и не его. Стены другие, вешалка другая, на полу какая-то дорожка, которой он не покупал. И вдруг он увидел косяк кухонной двери.

— Косяк, — сказал Андрей. — Обычный деревянный косяк, крашенный белой краской. А на нём карандашом отметки роста. Снизу вверх, как ступеньки: «Ванька 3 года», «Ванька 4», «Ванька 5». Почерк его. Дима помнил, как стоял на коленях с линейкой, а сын подпрыгивал и пытался вытянуть шею, потому что очень хотел быть выше.

— Мы не закрашивали, — сказал Олег. Он проследил за

его взглядом, и голос у него стал совсем другим. — Как-то рука не поднялась.

Дима кивнул. Потом сел на ступеньку лестничной клетки, прямо в куртке, с пакетом. Из пакета выкатилось яблоко и поскакало вниз по пролётам, как маленький красный свидетель.

Андрей потушил сигарету и тут же прикурил новую.

— Достаёт он телефон. А телефон тоже какой-то не такой. Корпус его, а всё остальное чужое. На заставке он и какая-то темноволосая женщина, оба смеются, сзади море. В контактах Катя записана как «Катя (бывшая)». Сын просто «Ваня». Последнее сообщение от Вани, две недели назад: «Пап, ты в субботу придёшь?» Он посмотрел на дату в углу экрана. И понял всё, но верить отказался, как отказываются верить в то, что тебе уже сказали.

— Страшно, — сказал Сергей.

— Это пока не страшно. Страшно будет дальше.

Он позвонил по единственному номеру, который телефон предложил сам: «Алина». Она ответила на втором гудке. «Дима! Господи, ты где? Три часа не берёшь трубку, я уже по больницам звоню». А он сказал: «Простите, а вы кто?» Она молчала так долго, что он услышал, как у неё в комнате тикают часы. «Не уходи оттуда, — сказала она наконец. — Просто сиди. Я приеду».

Андрей посмотрел в окно, где закрытая форточка ловила отражение лампы.

— Приехала через двадцать минут. Та самая, с заставки, в пальто поверх домашнего, с растрёпанными волосами. Присела перед ним на корточки и не стала ни обнимать, ни плакать. Спросила: «Дима, какое сегодня число?» Он назвал. Она назвала настоящее. Он смеялся минуту, а потом перестал.

Сергей встал, включил чайник и достал с полки две кружки. Андрей продолжил, будто так и надо.

— В больнице врач, усталый и добрый, с лицом, на котором висело больше чужих историй, чем на заборе объявлений, сказал: «Диссоциативная амнезия. На фоне длительного стресса». Алина спросила: «Он вспомнит?» Врач развёл руками: «Может, завтра. Может, никогда. Мозг иногда стирает то, что не может вынести. А иногда возвращает человека в самый безопасный момент, который у него есть». И посмотрел на Диму: «Куда вы шли, когда это случилось?» — «Домой», — сказал Дима.

Чайник щёлкнул. Сергей разлил кипяток по кружкам и поставил одну перед Андреем.

— Потом ему рассказали всё. Не сразу, по кусочкам, как кормят после голода. Что они с Катей два года назад начали ругаться: из-за денег, из-за мелочей, из-за того, что он приходил поздно, а она встречала молча. Что в какой-то момент он ушёл к Алине. Она работала с ним в одной конторе, всё это время была рядом, просто рядом, а потом перестала быть «просто». Что был развод, суды, делёж, ипотека, которую ни-

кто не мог тянуть один. Что Катя продала квартиру и уехала с Ванькой к матери. Что сына он видел раз в две недели. И что всё это время он ходил на работу, улыбался, говорил «нормально», выкладывал в соцсети шашлыки и море, и все вокруг думали, что он справился. Он сам так думал.

— И он справился?

— Вот в этом-то и вопрос. Врач потом объяснил: два года внутри копилось всё. Вина перед сыном, перед Катей, перед собой. Что он выбрал, а выбор, оказывается, не отменяет любви к тому, что оставил. Копилось молча, потому что некогда было: работа, платежи, улыбка. И когда напряжение дошло до предела, внутри лопнуло, как труба. И вода ушла туда, где было сухо. В вечер вторника, два года назад. Во двор, где горит жёлтый свет.

Он сделал глоток чая и поморщился: слишком горячо.

— Он не сошёл с ума. Он просто вернулся домой. Только дом за это время переехал.

Сергей молчал и вертел кружку.

— Алина везла его на машине к себе, то есть к ним. Он спросил: «Почему я ушёл?» Она ответила: «Не знаю. Ты мне так и не рассказал». Он спросил: «А ты счастлива?» Она долго смотрела на дорогу. «Я да. Но ты два года грустил, Дим. Очень аккуратно. Так, что никто не замечал. Ваня вчера спросил, когда ты перестанешь».

Андрей замолчал.

— Память не вернулась. Ни через день, ни через месяц.

Он учил свою жизнь заново, как язык, на котором когда-то говорил. Смотрел фотографии, слушал рассказы, как чужое кино. Хорошее кино, кстати. Жаль, что он в нём не помнит ни слова. Единственное, что у него осталось, это тот вторник. Яблоки, зефир, красная лента на дереве и жёлтый свет на пятом этаже. И это было самое лучшее его воспоминание. И самое невыносимое. Потому что в нём всё ещё жили они.

Повисла тишина, в которой было слышно, как на плите остывает чайник.

— Складно, — сказал Сергей. — Складно придумал.

— Придумал.

— Складно. Когда не про себя.

Андрей ничего не ответил, только подвинул ему рюмку и налил.

— И что ты этим хотел сказать? — спросил Сергей.

— Что можно два года делать вид, что всё нормально. Улыбаться, платить, ставить лайки. Но счёт всё равно придёт. И заплатить придётся тем, что организм сам выберет, а не тем, чего тебе не жалко. Хочешь не потерять два года, проживай их по дороге. Говори. Реви. Напиши кому-нибудь хоть раз, что тебе хреново.

— А если некому?

Андрей посмотрел на него и выпил, не чокаясь.

— Вот потому и страшно, — сказал он. — Твоя очередь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.